

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

---

---

«ВЕСМИРНАЯ ИСТОРИЯ» Академии наук СССР, том I, под редакцией Ю. П. Францева (ответственный редактор), И. М. Дьяконова, Г. Ф. Ильина, С. В. Киселева, В. В. Струве, М., Госполитиздат, 1955, 747 стр., тираж 100000 экз., цена 40 руб.

Выход в свет первого тома «Всемирной истории» Академии наук СССР — крупное и радостное событие не только для широких масс интеллигенции, на которую, в основном, рассчитано это издание, но также и для специалистов-историков. Рецензируемая книга явилась плодом большого труда коллектива исследователей, который опирался в своей работе на помощь широкого круга специалистов. В процессе подготовки тома он подвергался неоднократным широким обсуждениям, в частности на страницах ВДИ. С полным правом можно рассматривать данное издание как отражение современного состояния и достижений советской исторической науки в области истории древнего мира.

Авторскому коллективу первого тома удалось показать единство исторического процесса и восходящие к глубокой древности тесные связи между народностями Европы, Азии и Африки. Каждая эпоха в жизни какого-либо народа дается авторами тома не изолированно, не в отрыве от истории других народов данного периода, а как часть прогрессивного всемирно-исторического процесса. Авторам и редакторам I тома удалось достичь этого благодаря синхронистическому изложению истории всех племен и народностей земного шара, известной науке для данного периода. Это выгодно отличает новое издание от всего, чем мы до сих пор располагали в советской литературе<sup>1</sup>. Вместе с тем «Всемирная история» АН принципиально отлична от изданий подобного рода, вышедших в последнее время за границей<sup>2</sup>. Ей чужды характерные для этих изданий идеи изначального неравенства народов и противопоставление «классической древности» «варварскому миру». Основной характерной чертой I тома «Всемирной истории» является выдвигание на первый план вопросов общественно-экономического развития, истории непосредственных производителей материальных благ — трудящихся масс.

Очень благоприятное впечатление производят главы по истории первобытного общества. Их большим достоинством является всеобъемлющий охват материала. Впервые в советской литературе по истории первобытного общества дана характеристика не только каменного века Европы, но и древнейших памятников Южной Африки, Австралии и Америки. В главах об эпохе сложения и развития рабовладельческого общества впервые рядом с раздлами по истории народов классического Востока дана характеристика безымянных племен, сыгравших большую роль в формировании древней культуры Европы и Азии.

Наряду с общей концепцией развития первобытно-общинного строя, изложенной четко и определенно, авторы посвящают разделы своих глав истории конкретных древних обществ. Последовательное рассмотрение археологического материала направ-

<sup>1</sup> Ср., например: «История древнего мира», тт. I—III, М., Соцэкгиз, 1936—37.

<sup>2</sup> «Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte», I—X, I, Bern, 1952; «Histoire Générale des civilisations», sous la direction de M. Crouzet, I, 1953.

лено не на подгонку его под общую схему, а на создание истории отдельных племенных групп каменного и бронзового веков.

Главы написаны в основном на материалах новейших археологических исследований. Так, большое место в работе занимают данные о неолите Ирака, полученные несколько лет назад при раскопках Р. Бредвуда, материалы о палеолитических погребениях, о культуре Анау и т. д., добытые раскопками советских археологов последних двух-трех лет. Большая часть иллюстраций к книге в советской литературе воспроизводится впервые.

Авторы стремились дать не компилятивную сводку накопленных наукой археологических материалов, а оригинальное исследование по истории первобытного общества. В главах XIII и XVIII, написанных С. В. Киселевым, читатель найдет, например, интересное историческое построение о формировании древнейших языковых групп на территории Европы и Азии в III — II тысячелетиях до н. э. В более узком, археологическом, плане эти разделы работы интересны тем, что С. В. Киселев предлагает (в целом ряде случаев с обоснованием своих выводов) новые датировки археологических культур Юга СССР. Так, в противоположность преуменьшенным датировкам закавказского неолита концом III — началом II тысячелетия до н. э., С. В. Киселев выдвигает более раннюю дату — начало III тысячелетия до н. э. (стр. 234). Соответственно передаются и некоторые памятники Северного Причерноморья.

В рецензируемых главах рассматривается не только развитие материальной культуры эпохи камня и металла, но и духовная культура человека этой эпохи: развитие мышления, возникновение искусства и религии и т. д. Надо отметить, однако, что сведения о духовной культуре древних племен Европы и Азии даны не во всех разделах.

Не останавливаясь подробно на историографии исследуемых проблем, авторы иногда краткими замечаниями (например, стр. 51), иногда просто конкретным анализом материала борются с реакционными историческими концепциями. Отметим, например, что все изложение материала по эпохе неолита и бронзы является опровержением «теории диффузии».

Наконец, важно отметить, что при строгой научности изложения рецензируемые разделы написаны доступным языком, часто весьма живо и увлекательно. Таковы страницы о наскальной живописи Испании эпохи мезолита, написанные А. П. Окладниковым, и многие другие.

Не останавливаясь на ряде других достоинств рецензируемых глав, которые заметит читатель, скажем о частных недостатках труда, неизбежных при подготовке большой сводной работы такого хронологического и территориального охвата.

Одним из недостатков работы является неудачная расстановка некоторых разделов, которая привела в ряде случаев к отступлению от хронологического принципа изложения в угоду принципу культурно-историческому. Так, в главе III, стремясь охарактеризовать сперва охотничье-рыболовческую, а затем скотоводческо-земледельческую неолитическую культуру, авторы дают сначала описание памятников северного пережиточного неолита IV — III тысячелетий до н. э., а потом — памятников подлинного неолита Востока VII — VI тысячелетий до н. э. В результате у читателя создается неверное представление о ходе развития культуры. Раздел о неолите надо было начать с характеристики южных племен, сказав о быстром переоформлении охотников и собирателей Юга в древнейших скотоводов и земледельцев, а затем перейти к северным племенам, отметив медленный темп развития их культуры. Тогда все встанет на свое место, и глава о неолите лучше увяжется с последующим текстом. Ведь в период неолита именно передовые южные племена определяли ход истории, на базе их культуры сложилась древнейшая цивилизация Востока, под их влиянием находились северные племена.

Этого несоответствия нет в разделах по эпохе бронзы. Так, в главе VIII изложение начато с южных земледельческих племен и только затем говорится о северных охотничье-рыболовческих племенах. Но в главах по каменному веку указанное несоответствие повторяется не раз. Разделы о древнейших памятниках Америки и Австралии неудачно помещены в главу о позднем палеолите, в результате чего в томе сначала го-

ворятся о поселениях района Скалистых гор VI тысячелетия до н. э., где прослеживаются уже зачатки земледелия, а затем о таких архаических мезолитических стоянках Европы, как Мейсндорф, относящихся к периоду за 12—14 тысяч лет до наших дней. Описание чисто неолитических американских наконечников стрел с двусторонней обработкой (стр. 83—84) предшествует описанию древнейших мезолитических наконечников стрел Европы (стр. 92—93). Все это получилось из-за следования вместо хронологии термину «палеолит» — для Америки весьма условному.

Вторым недостатком рецензируемых разделов является то, что авторы иногда выносят на страницы «Всемирной истории» положения, еще недостаточно проверенные, отражающие их личные взгляды.

Большие возражения вызывает, например, раздел о происхождении человека современного типа. Как известно, существуют две точки зрения на область формирования современного человека — полицентристская и моноцентристская. На стр. 52 А. П. Окладников становится сначала на моноцентристскую точку зрения, говоря о Средиземноморье и Передней Азии как об «области, где в основном протекало становление современного человека», а затем вдруг говорит, что европейские неандертальцы типа Шанель тоже приняли участие в сложении *Homo sapiens*, т. е. переходит на точку зрения полицентристов. Лучше было совсем не касаться дискуссионного вопроса, чем излагать столь неопределенное мнение.

Говоря о мустьерских стоянках с чертами перехода к позднему палеолиту, А. П. Окладников не называет Шайтан-кобу и Староселье, а пишет о «верхнем слое Тешик-таша» и пещерах на Кавказе. Но до сих пор А. П. Окладников нигде не писал о позднепалеолитическом облике Тешик-таша, а на Кавказе мустьерские стоянки типа Шайтан-кобы не известны. Спорен древний возраст скелетной черепной крышки, которую А. П. Окладников упоминает, говоря о переходных формах от неандертальца к *Homo sapiens*.

Вряд ли можно было помещать без оговорок во «Всемирной истории» карту культурных областей позднего палеолита (стр. 44—45). Этот вопрос в советской литературе разработан недостаточно. Имеется лишь один вариант карты этих областей, получивший определенное распространение. Это — карта, составленная С. Н. Замятинным и во многом существенно отличающаяся от карты А. П. Окладникова<sup>1</sup>. Прежде чем помещать столь ответственную оригинальную карту во «Всемирной истории», А. П. Окладникову следовало издать ее с археологическим обоснованием для того, чтобы ее обсудили специалисты.

Субъективны и некоторые частные замечания в разделах о каменном веке, например, слова об ашельских стоянках в Туркмении и Таджикистане, основанные на неопубликованных сборах автора (стр. 32), заключения о культе зверя в Тешик-таше (стр. 69), о том, что стоянка Костенки I покинута при нападении врагов (стр. 60).

Не свободны от субъективизма и разделы по эпохе бронзы, написанные С. В. Киселевым. Интересное предположение о далеком продвижении носителей катакомбной культуры в Западную Европу (стр. 246) основано на отдельных аналогиях, которые еще не были детально исследованы в нашей литературе. До большой работы с классификацией и картографированием памятников вывод С. В. Киселева преждевременен. Мы выдвигаем все эти возражения, исходя не столько из своего несогласия с авторами, сколько из того, что при отборе материала для сводных итоговых изданий типа «Всемирной истории» авторы должны предпочитать положения, детально обоснованные в литературе и принятые рядом специалистов, поступаясь иногда своими личными взглядами.

Третьим недостатком работы мы считаем некоторую терминологическую нечеткость. Обсуждение вопроса о применении термина «археологическая культура» не нашло отражения во «Всемирной истории». Ни во введении к тому, ни при первом упоминании этого термина (стр. 76) его значение не разъяснено, хотя далее упоминаются мно-

<sup>1</sup> С. Н. З а м я т и н, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, «Труды Института этнографии», т. XVI (1951), рис. 10.

где культуры. В томе иногда смазывается различие между культурой и культурной областью («провинцией», группой родственных культур).

Отметим также терминологическую неточность в утверждении А. П. Окладникова о том, что в Монголии и Китае «нет следов микролитической техники» (стр. 105). Речь идет об отсутствии здесь геометрических орудий, а не микролитической техники, как ее обычно понимают, широко распространенной в Монголии и Северном Китае.

Переходим к частным возражениям. Нельзя не отметить некоторых неточностей и ошибок, имеющих в главе, посвященной племенам Европы и Азии во 2-м тысячелетии до н. э. Автор характеризует культуру террамар как культуру земледельческих свайных построек. Между тем открытиями последних десятилетий установлено, что террамары не были свайными постройками на суше. В настоящее время террамары рассматриваются как локальная культура, и представление о наличии террамар в долинах Тиссы, Савы, Дравы и Дуная является устаревшим. Наконец, даже в популярной работе надо было показать, что террамары не были единственной культурой бронзового века Италии (кроме террамар известны культуры Свайных построек, Апеннинская, Сикулийская, Конко д'Оро). Спорной является высказанная в томе точка зрения об иллирийском происхождении североиталийских племен.

Вряд ли можно, после исследований Р. Вофрея<sup>1</sup>, характеризовать верхний палеолит Африки капсийскими комплексами (стр. 76). Это в основном мезолитические памятники, а верхний палеолит представлен на Севере Африки инвентарем атерийского типа, не описанным в работе. Нельзя также, после работ С. Н. Бибикова и О. Н. Бадера, говорить о мезолитическом возрасте стоянок Крымской Яйлы (стр. 104). Это — неолитические стоянки<sup>2</sup>.

Очень случайны во «Всемирной истории» материалы по неолиту и энеолиту левобережной Украины. Вопреки указаниям карты неолитических культур, во многих неолитических стоянках в Приазовье и Надпорожье открыты следы скотоводства, тогда как для Донца никаких данных о скотоводстве нет<sup>3</sup>.

Неверно утверждение о крайнем примитивизме культуры Приазовья, характеризующей Мариупольским могильником (стр. 244). В свете новых работ эта культура знала не только керамику, но и металл и скотоводство<sup>4</sup>. После последних раскопок украинских археологов нельзя считать примитивными охотниками и рыболовами все племена, оставившие древнеямные погребения<sup>5</sup>.

Скажем несколько слов об иллюстрациях. Некоторые сделаны наспех. Иначе чем объяснить, что на «карте основных неолитических культур» (вкладка к стр. 112) кельтеминарская культура занимает весь бассейн Аральского моря с Западным Казахстаном и даже заходит за Урал, а на карте «период энеолита» (стр. 236—237) кельтеминарская культура правильно занимает только Ю. Приаралье. На карте «период палеолита» (стр. 44—45) вызывает удивление треугольник в центре Австралии, обозначающий «места находок древнейшего человека и стоянки времени нижнего палеолита (дошелль, шелль, ашель)». Таких памятников в Австралии нет. На таблице «керамика трипольского типа» (вкладка к стр. 238) в центре изображен сосуд не трипольской, а близкой ей тисской культуры. На рисунке на стр. 454 изображены не только бронзовые, но и костяные и каменные изделия андроновской культуры. Не стоило

<sup>1</sup> R. Vaufrey, Stratigraphie capsienne, «Swiatowit», т. XVI, Warszawa, 1936.

<sup>2</sup> С. Н. Бибиков, К вопросу о неолите в Крыму, КСИИМК, IV (1940).

<sup>3</sup> Д. Я. Телегин, Неолитичні пам'ятки лісостепового лівобережжя і Полісся України, «Вісник Академії наук УРСР», 1954, № 8.

<sup>4</sup> А. Д. Столяр, Мариупольский могильник как исторический источник (автореферат диссертации), Л., 1953.

<sup>5</sup> Е. Ф. Лагодовская, Михайловское поселение и его историческое значение, «Краткие сообщения Института Археологии АН УССР», вып. 4 (1955); А. И. Тереножкин, Археологические исследования в 1951 г. на территории Молочанского водохранилища, там же, вып. 1 (1952); он же, Сторожева могила, «Археологія», т. V (Киев, 1951).

давать изображения каменных изделий из Деркула и Верхотенской горы, так как их ранний возраст оспаривался в литературе. На большинстве рисунков каменных орудий не указано, насколько они уменьшены, в результате чего читателю, не видавшему орудия в подлиннике, трудно судить об истинных размерах ручных рубил, наконечников и т. д.

В целом, несмотря на указанные недостатки, главы I тома, посвященные первобытному обществу, представляют собой большой вклад в нашу обобщающую историко-археологическую литературу.

\*

Древнему Египту в I томе «Всемирной истории» посвящено 5 глав (IV, V, IX, XII и XXIII). Перед автором стояла очень трудная задача: изложить историю древнего Египта на протяжении двух с половиной тысячелетий с конкретной и полной характеристикой экономики, политических событий и вопросов культуры, не выходя за рамки ограниченного количества листов.

В значительной степени эта задача выполнена. Мы получили хорошо и интересно написанную историю Египта с привлечением очень большого фактического материала, с учетом новейших открытий и достижений науки, с объяснением событий и явлений общественной жизни в духе марксистской методологии.

В I разделе IV главы правильно и четко раскрыты основные черты распада древнейшей сельской общины и показаны факторы, определившие путь развития классового общества и государства в Египте.

Следующий раздел этой главы «Раннее царство» представляет очень большой интерес. Как известно, письменных памятников от этого периода сохранилось очень мало, и тем не менее, глава написана так, что в ней всегда чувствуется первоисточник. Тщательный анализ археологических материалов этого периода, скрупулезное исследование всех имеющихся рисунков, надписей, печатей позволили автору дать широкую картину хозяйства Раннего царства. В этой работе использованы достижения советской и зарубежной египтологии и новые археологические открытия. Характеристика распада общины и развивающихся рабовладельческих отношений представляется вполне убедительной и соответствующей современному уровню наших знаний о хозяйстве Раннего царства. Детальное изучение всех памятников с именами царей первых династий, данных древнейшей летописи, Палермского камня и, наконец, традиции Манефона послужили основанием четкой и интересной картины политической истории этого периода. Автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые отвергают данные манефоновской традиции о том, что Мена был первым царем Египта. Этот вывод является вполне аргументированным, так же как и отождествление Мены с одним из ранних царей, носящим тронное имя «Гора-Бойца».

Пятая глава посвящена Древнему царству. Автор широко привлекает письменные источники, а также гробничные росписи, которыми так богато Древнее царство, и памятники материальной культуры. Опираясь на эти данные, Ю. Я. Перевелкин не только дал подробную и интересную картину экономики и хозяйства, но сумел очень конкретно показать, чем отличаются производительные силы Раннего и Древнего царства, как на основе их развития складываются новые социальные отношения и создается мощная деспотия Древнего царства.

Наглядно показана дифференциация египетского общества (стр. 164). Автору удалось очень четко охарактеризовать особенности каждого вида хозяйства и их удельный вес в экономике Египта. Так же ярко и убедительно описаны жизнь и быт различного рода рабочих и ремесленников, организация и процесс производства, а также положение средних слоев населения, их взаимоотношения со знатью, положение в государстве.

Слабее написан второй раздел этой главы, где излагаются основные исторические события в период Древнего царства. Сухое перечисление событий сменяет то живое описание, которым пользовался автор в предшествующих разделах. Не достаточно раскрыты причины падения Древнего царства. Читателю остается неясным, как произошло ослабление фараоновской власти и чем оно было вызвано.

Не раскрыт этот вопрос и в IX главе, которая начинается разделом, описывающим падение Древнего царства и возникновение Среднего. Мало места уделено и началу Среднего царства. Слишком бегло характеризуются борьба между Фивами и Гераклеополем и причины победы Фив, откуда вышли фараоны XII династии. Вообще вся политическая история Среднего царства изложена очень кратко, иногда даже схематично, без четкой хронологической последовательности. После того, как на стр. 275 говорится о походах Сенусерта III, на стр. 278, где идет речь о внутренней борьбе, автор снова возвращается к Аменхемху I и Сенусерту I. Читателю не специалисту трудно ориентироваться при таком изложении событий. Было бы более целесообразно дать конкретную и полную характеристику событий в хронологическом порядке, а в конце обобщить характерные черты Среднего царства.

Что касается первой части главы, где автор излагает состояние производительных сил после падения Древнего царства и их развитие в период расцвета Среднего, то она написана на том же высоком уровне, как соответствующие разделы в первых двух главах. На основе живой и конкретной характеристики хозяйств разного типа, значения мелких хозяйств в развитии обмена, видов ремесел и организации труда становятся понятными новые производственные отношения и появление нового социального слоя «малых» (неджегов). Жаль только, что автор недостаточно подчеркнул различие между просто «неджесами» и «сильными неджесами». Последние, по видимому, довольно резко отличались от простых неджегов, и, судя по граффити гермопольских номархов, они были связаны с восточной организацией.

Своеобразно изложен в томе вопрос о падении Среднего царства, которое в наших монографиях и учебниках обычно объясняется восстанием низов, согласно текстам Инусера и Неферти. Однако многие исследователи датируют эти тексты концом Древнего царства. Автор и редакция нашли удачное решение, отражающее различные взгляды по данному вопросу: излагая обе точки зрения, они не отдают предпочтения ни одной из них, подчеркивая в то же время историческую достоверность восстания. Действительно, исторические и литературные памятники с такой же достоверностью говорят о классовой борьбе в Среднем царстве, как и поучение Гераклеопольского царя рисует восстание, предшествующее возвышению IX—X династий, т. е. относящееся к концу Древнего царства. Дальнейшая работа над анализом этих документов, а может быть, и новые находки помогут решить в будущем этот спорный вопрос.

История Нового царства изложена в XII главе. Особенно интересна в ней развернутая и подробная характеристика рабовладения, которое в Новом царстве обладало большим удельным весом во всех областях экономической жизни. Автор умело показывает специфические особенности египетского рабовладельческого общества, что выгодно отличает эту работу от других, где иногда бывает трудно отличить, говорится ли о рабах Египта, Шумера или любого другого рабовладельческого государства. То же можно сказать и о положении свободных земледельцев, о которых до сих пор всегда говорилось слишком обобщенно и не конкретно.

Политическая история Нового царства изложена значительно лучше, чем в главах о Древнем и Среднем царствах. Она дана живо, интересно и вполне конкретно, с соблюдением более строгой исторической последовательности. Четко вскрыты предпосылки религиозной реформы Аменхотепа IV, хорошо показаны те социальные силы, которые играли главную роль. Сама же реформа остается не очень понятной, т. к. по предшествующему тексту читатель еще не знаком с религией Амона и поэтому остается неясным, против чего выступал фараон.

Можно согласиться с автором в том отношении, что «распространенное мнение о новой вере Аменхотепа IV, как о монотеизме, не соответствует действительности» (стр. 350). Все же следовало бы аргументировать эту точку зрения и опровергнуть столь распространенное и давно существующее мнение.

История ливийско-эфиопско-саисского Египта составляет содержание XXIII главы (авторы Ю. Н. Перепелкин и И. С. Кацнельсон). Здесь, как и в предыдущих главах, подробно описано состояние производительных сил и производственных отношений. Наиболее интересны те разделы, где говорится о положении рабов. Автор не слу-

чажно так подробно останавливается на самопродаже в рабство, что является типичным только для этого периода; так же обстоятельно показана специфика храмового хозяйства и положение жречества.

Впервые история Эфиопии затрагивается не только в связи с завоеваниями Египта, а рассматривается самостоятельно, начиная с древнейших времен, на основе данных археологии (напр., раскопки в Керме) и письменных источников (в основном египетских). Жаль только, что история Эфиопии изложена очень кратко, так что местами она носит конспективный характер.

В целом следует сказать, что в томе удалось создать живую и полную картину исторического прошлого древнего Египта. Производительные силы и их развитие для Египта стали конкретным и живым материалом и заменили схему, которой зачастую приходилось пользоваться историкам. Изложение построено так, что буквально за каждым положением чувствуется первоисточник. Очень жаль только, что, вероятно, за недостатком места, автор почти не приводит переводов текста, что значительно оживило бы содержание и придало бы ему больший интерес.

Очевидно, недостатком места следует объяснить и тот факт, что слишком сокращено дана история египетской культуры, что, несомненно, является слабым местом «Всемирной истории». Хотя отдельные части в разделах культуры написаны очень хорошо, отсутствует целостная картина египетской религии, не показаны основы египетской философии и элементы зарождающихся материалистических представлений.

История египетской литературы изложена так схематично, что кажется конспектом какой-то другой большой работы. Вместе с тем автору удалось четко и убедительно показать основные черты египетского искусства. В этом отношении история Египта выгодно отличается от истории стран Передней Азии, например, Ассирии, где об искусстве говорится настолько обобщенно, что читатель не получает о нем никакого представления.

Следует особо отметить исключительно удачный подбор иллюстраций и их хорошее техническое выполнение. Иллюстрации являются по-настоящему дополнением к тексту, что имеет особое значение, так как египетские гробничные росписи в очень большой мере служили автору первоисточником.

\*

Ярко написаны во «Всемирной истории» главы, посвященные истории древнейших государств Двуречья, Малой Азии, Армянского нагорья, Восточного Средиземноморья. Авторами этих глав (В. В. Струве, И. М. Дьяконов, О. В. Кудрявцев) в полной мере использованы все основные достижения советской и зарубежной исторической и филологической науки. Авторы отказываются от трафаретного подхода к освещению важных исторических вопросов и стремятся на основании изучения конкретного исторического материала выявить все своеобразие путей развития отдельных древневосточных обществ.

Конечно, не все выводы авторов могут удовлетворить читателя; остается еще много неясного, что обусловлено, в первую очередь, сложностью проблемы, ограниченностью материала и все еще недостаточной изученностью его. Нам кажется, например, что недостаточно развито на конкретном материале важное положение, приведенное во введении к тому, о том, что распространение обеих наиболее типичных форм сельской общины рабовладельческого общества — т. в. «восточной» и «азиатской» — не было ограничено какой-либо строго определенной территорией древнего мира (стр. 10—11). С этой точки зрения в книге недостаточно рельефно показана специфика того или иного древневосточного общества.

Характеризуя соотношение общинной и частной собственности на землю в первых классовых обществах Востока во введении ко II части тома, авторы отмечают, что частная собственность на землю только начинает складываться и подчеркивают большую роль общинной собственности (стр. 141). Ничего не сказано об изменении этого положе-

ния в более поздний период, хотя в ряде глав нарисована картина, не вполне согласующаяся с вышеприведенным положением. Например, говорится лишь о «пережитках права собственности всей общины на землю» в эпоху Маннштусу (стр. 213), из характеристики эпохи Хаммурапи можно заключить, что общинная собственность на землю сделалась фактически фикцией (стр. 293, ср. стр. 298). О превращении земли в частную собственность говорится также в главе о Финикии (стр. 388) и т. д.

Не совсем ясное представление остается у читателя и в отношении известного положения о верховной собственности царя на весь земельный фонд в стране. Видимо, авторы тома считают, что это явление возникло в Ассирийской державе VIII—VII вв. до н. э. (см. стр. 475 и 540). Однако это положение недостаточно развито — следовало более рельефно вскрыть действующие в Ассирийской державе специфические условия, породившие верховную собственность царя на землю, и выяснить, не действовали ли те же факторы еще раньше в других областях древневосточного мира.

Более ясно изложен вопрос о характере царской власти на древнем Востоке. Авторы показывают связь восточного деспотизма с устойчивостью общины, которая обуславливалась необходимостью поддерживать коллективным трудом оросительные и иные сооружения (стр. 10). Вместе с тем, в книге неоднократно отмечается, что в силу ряда специфических условий, в то или иное время и в той или иной стране царская власть могла быть отнюдь не беспредельной, деспотической (стр. 213, 373, 389). При изложении истории Ассирии подчеркивается, что усиление роли царя было связано с переходом господствующего класса к политике завоеваний (стр. 320).

Очень интересные страницы, посвященные описанию быта (жилище, утварь, одежда, пища) разных слоев населения древневосточных стран, вопросу об уровне их жизни и т. д. Однако, на наш взгляд, стоило увеличить эти разделы книги за счет более широкого использования данных археологии.

Более широкое привлечение археологического материала помогло бы также еще более рельефно и конкретно обрисовать состояние развития производительных сил в ту или иную эпоху. Недостаточное место уделено в книге вопросам культуры. Разделы, посвященные культуре, следовало расширить за счет других разделов соответствующих глав.

Авторам книги часто приходится ссылаться на те или иные исторические источники и упоминать о важнейших археологических раскопках. Нам кажется, что «Всемирная история» выиграла бы, если бы в нее были включены краткие очерки по источниковедению и историографии.

В главе, посвященной древнейшим государственным образованиям Двуречья (гл. VI), показано то огромное значение, которое имели для общественного развития населения Южного Двуречья своеобразные природные условия этой страны, обстоятельно разбирается вопрос об этническом составе населения древней Вавилонии. На основании материалов древнейших археологических культур Южного Двуречья показано постепенное развитие производительных сил общества и, вместе с тем, зарождение и развитие новых производственных отношений. По материалам главным образом храмовых архивов ярко обрисована картина общественно-экономических отношений в древнейших государствах Шумера. Подробно рассмотрены вопросы классовой борьбы в Шумере. Реформы Урукagina оцениваются как мероприятия, направленные против знати, на защиту рядовых общинников. Интересен анализ общественных отношений в период господства Аккада и причин падения Аккадского царства. Можно согласиться с той мыслью автора, что не следует рассматривать период владычества гутеев, завоевавших в это время Вавилонию, как период полного упадка (стр. 214).

Ярко представлена картина общественных отношений Двуречья в период гегемонии Ура. Это и понятно. Именно из этой эпохи до нас несколько сот тысяч документов хозяйственной отчетности царско-храмовых хозяйств, удельный вес которых в стране в это время сильно возрос. В книге проводится мнение, что основная масса работников царско-храмовых хозяйств являлась рабами.

Живо, с широким привлечением археологического материала написан параграф, посвященный древнейшему Эламу. Справедливо подчеркивается своеобразие развития



этой страны — различие в уровне развития между населением долины и горных районов, наличие значительных пережитков родо-племенных отношений и т. д.

Благодаря использованию материалов архива Мари, а также других документов, открытых в течение последних десятилетий, политическая история Старо-Вавилонского царства изложена несравненно ярче и полнее, чем в ранее вышедшей у нас литературе. На основе кодекса Хаммурапи и других важных материалов данной эпохи подробно рассмотрены общественно-экономические отношения. Касаясь вопроса о полноправных и неполноправных свободных, автор отмечает, что под «мушкену» (т. е. неполноправными свободными Вавилонии), возможно, следует понимать жителей покоренных городов и областей (стр. 296). Это предположение, как известно, основано на весьма остроумной, хотя и не совсем убедительной интерпретации некоторых мест кодекса Хаммурапи. Однако, в нашей литературе выдвинута и другая точка зрения, согласно которой, «мушкену» были свободными, не являвшимися гражданами какой-либо общины, а получившими от дворца земельные наделы лишь в пользование за службу или из доли урожая (см. ВДИ, 1952, № 2, стр. 265—266). Вопрос этот, по видимому, все еще нельзя считать решенным и он требует дальнейшего тщательного изучения.

История древнего периода Ассирии и государства Митанни объединена в одной главе (гл. XI). Учитывая ту огромную роль, которую играли хурриты и их крупнейшее государственное образование — Митанни — в истории Передней Азии, на наш взгляд, следовало уделить истории хурритов отдельную главу или хотя бы параграф и специально остановиться на факте широкого распространения хурритов во II тысячелетии до н. э., на вопросе о времени и условиях, в которых произошло это событие<sup>1</sup>. В книге довольно подробно освещены взаимоотношения Митанни с Египтом и Хеттским царством, но ничего не сказано о весьма интересных фактах взаимоотношения с племенами Нагорного Загра. При изложении истории Митанни дается специальный очерк общественных отношений хурритов по материалам архива Нузу, исследуется вопрос о степени развития частного землевладения и имущественной дифференциации общинников.

Много нового содержит глава, посвященная истории Ассирии (главы XI, XXI). Дана яркая характеристика особенностей исторического развития Ассирии, способствовавших в древности превращению Ассирии в ведущую область в международной торговле того времени, а в дальнейшем формированию Ассирийской военной державы. Подробно рассмотрено своеобразие развития общественных отношений в древнейшей Ассирии: стойкость общины, незначительная роль храмовых хозяйств; государственный строй древнего Ашшурова охарактеризован как приближающийся к типу олигархической рабовладельческой республики (стр. 313). В книге четко показаны особенности развития рабства в Ассирии в различные периоды. В главе, посвященной Ново-Вавилонскому царству (гл. XXII), большое место уделено вопросу развития новых форм рабства. Освещаются и другие важные явления этого периода истории Южного Двуречья: резкое усиление роли жречества, небывалое до того времени развитие торговли и движение привилегированных городов, исключительно глубокая имущественная дифференциация свободного населения и т. д.

По сравнению со странами Двуречья мало места уделено в книге древнейшей истории Малой Азии. Несмотря на это, в соответствующих главах (главы XIII, XIX) авторами дано все то основное, что можно при настоящем уровне наших знаний сказать о древнейшей истории племен и народностей, населявших в эту эпоху Малую Азию. Следует особенно приветствовать то, что большое внимание уделяется истории Малой Азии после падения Хеттской державы.

Учитывая исключительно пестроту населения Малой Азии, на наш взгляд, следовало более подробно осветить вопрос об этническом составе населения Малой Азии. Из этнических групп этого района в книге упомянуты только протохетты, несийцы, лувийцы и кашки. В отношении протохеттского языка отмечается, что «наиболее часто высказывается предположение, что этот язык был родственен языкам современ-

<sup>1</sup> См. Г. А. Мелликишили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 93 сл.

ного Кавказа и Закавказья» (стр. 367). В этом случае, конечно, подразумевается определенная группа языков Кавказа, часто являющаяся в нашей языковедческой литературе иберийско-кавказской, а не все кавказские языки. Поэтому для большей ясности следовало бы указать конкретно те языки Кавказа, которые имеются в виду. Так как в книге не отождествляются между собой языки протохеттский и абхазо-черкесские, то, по нашему мнению, при определении этнической принадлежности кашков лучше было бы говорить об этнической близости кашков к протохеттам; углубленное изучение ономастического материала кашков все более и более вскрывает наличие в нем сильного протохеттского слоя<sup>1</sup>. В книге хорошо представлены вопросы взаимоотношений Хеттской державы с крупными государствами того времени (Египет и др.). Однако недостаточно внимания уделено различным политическим образованиям самой Малой Азии и их взаимоотношениям.

Широко используя «хеттские законы», а также данные других хеттских документов, автор дает обстоятельный анализ общественно-экономических отношений в Хеттской державе. Восстание рабов, происшедшее в эпоху Хаттусили I, автор, основываясь на выражении источника «рабы царевичей восстали», относит к периоду «после смерти Хаттусили, когда вопрос о его преемнике еще не был решен» (стр. 368). Однако, поскольку под выражением «рабы царевичей» можно понимать государственных рабов, находившихся в завоеванных областях (где наместниками царя были, как правило, царевичи), этот вывод представляется не вполне обоснованным.

Подробно рассмотрен вопрос о крушении Хеттской державы. Однако подчеркивая роль, которую при этом сыграли «народы моря» и, в частности, племена западной Малой Азии (стр. 381 сл.), следовало учесть также весьма возможное участие в этом событии племен северо-восточной окраины Малой Азии, которые в скором времени мы встречаем распространившимися в глубь бывшей территории Хеттского государства.

В связи с этими событиями упоминаются также ахейцы и царство Аххиява, которое предположительно локализуется в книге в юго-западной части Малой Азии или на острове Родос (стр. 381). Нам кажется, что при этом следовало бы учесть мнение ряда исследователей, трактующих «Аххиява» хеттских источников как крупное ахейское политическое образование в материковой Греции. Автор сам несколькими страницами ниже считает поход греков-ахейцев под Трои эпизодом борьбы Аххиява с хеттами (стр. 383).

Главы, посвященные Финикии, Палестине и Сирии, являются одними из лучших в книге. Особенно следует отметить подробное освещение в специальных разделах истории Сирии, которое, как правило, отсутствовало в наших курсах истории древнего Востока. В этих главах вызывает сомнение положение о первоначальном хурритском характере населения Финикии и Сирии (стр. 385, 395): многочисленные хурритские элементы, которые замечаются в этих местах во II тысячелетии, можно отнести за счет политической экспансии Митанни и вообще хурритов Северной Месопотамии и района Ванского озера. В этих же главах многократно фигурирует название «Хабиру», но оно оставлено без объяснения. По контексту читатель может заключить, что это — племенное название (стр. 393, 396 и др.), в то время как многое говорит, что здесь перед нами широко распространенный на древнем Востоке социальный термин.

По праву заняли подобающее им место во «Всемирной истории» древнейшие рабовладельческие общества Южной Аравии (гл. XIX, § 1).

Весьма интересным для широкого круга читателей является специальный параграф, посвященный возникновению международно-правовых отношений (стр. 397—400), раскрывающий живую картину международных отношений и норм международного права того времени.

С глубоким знанием материала написана глава, посвященная истории Урарту

<sup>1</sup> Г. Г. Г о р г а д з е, Из истории племен, проживавших к северу и северо-востоку от Хеттского государства (кашки), (автореферат диссертации), Тбилиси, 1955.

и древнейшего Закавказья, а также киммерийцам и скифам (гл. XX). В них мы встречаем ряд новых и остроумных наблюдений. Интересна, например, мысль, что в Урарту часть рабов находилась в общинной собственности. Можно согласиться с положениями о начале развития рабовладельческих отношений у племен Закавказья в эпоху урартских завоеваний, о проникновении железа на Кавказ из восточной Малой Азии и рядом других моментов. Интересно предположение, что в соседнем с Урарту политическом образовании — Диаухи — начали уже складываться классовые отношения и государство (стр. 519).

Наряду с этим в главе, по нашему мнению, имеются также некоторые спорные положения. Так, например, пока что трудно решить вопрос об удельном весе того или иного этнического элемента в населении Западного Закавказья и о точных границах распространения картвельских и абхазо-черкесских племен (стр. 514—527). Нуждается в обосновании то, что племена каспийцев являлись носителями «кобанско-колхидской культуры» (стр. 515). Вряд ли правильна характеристика царства Урарту как объединения этнически разнородного населения, не успевшего еще превратиться в народность (стр. 526, ср. стр. 521). Этнической основой Урартского государства — господствующей народностью — являлась урартская народность; факт покорения урартскими царями соседних племен не меняет картины.

Нельзя показать на конкретном материале, что урартские цари дарили храмам и большому количеству рабов (стр. 526). Спорным кажется утверждение, что население Кармир-блурского «города» составляли лишь «люди, работавшие в мастерских цитадели, служившие в составе гарнизона и на низших должностях в администрации» (стр. 520). Возможно, что здесь же жили земледельцы, работавшие в обширном государственном хозяйстве, расположенном вокруг Тейшебаини<sup>1</sup>. Нет, на наш взгляд, достаточного материала для утверждения (стр. 518—519) о включении больших масс военнопленных в урартское войско<sup>2</sup>, а также о том (стр. 522), что урартский царь Руса I реформировал и разукрупнил наместничества (см. ВДИ, 1953, № 3, стр. 111—112); тем более не следовало в главе об Ассирии констатировать, что Тиглатпаласар III при проведении в Ассирии подобных реформ, повидимому, взял «за образец урартскую административную систему» (стр. 543). Можно привести ряд соображений в пользу того, что если при царе Аргишти I в Закавказье, в частности в Араратской долине, существовал лишь один административный центр, то это был, повидимому, не Аргиштихинили, как полагает автор, а Ирпуни (совр. Арин-берд) (см. ВДИ, 1953, № 3, стр. 112).

Вызывает сомнение помещенное в одной плоскости того, что мы знаем о Кармир-блурском «городе» (рубеж VII—VI вв.) и сведений о находившемся далеко отсюда армянском селении в описании Ксенофонта (конец V в.) (стр. 520). Вероятно, и в одну и ту же эпоху на этой обширной территории имелось немало разнообразий. Встречаются также кое-какие мелкие неточности; например, годами царствования ассирийского царя Тиглатпаласара I на стр. 515-й указаны: 1115—1077, а на стр. 324-й: 1116—1090.

В рецензируемый том вошла также древнейшая история Ирана и Средней Азии вплоть до создания Персидской империи Ахеменидов. На основании археологического материала обрисована хозяйственная жизнь древнейшего населения этих областей и постепенное развитие производительных сил, приведшее к образованию сперва Мидийского, а затем Персидского государств, а также первых государственных образований на территории Средней Азии (Хорезма и Бактрии). Прекрасно написан раздел, посвященный культуре и религии Средней Азии и Ирана этого периода. Можно сделать лишь некоторые замечания в отношении отдельных формулировок. В масштабе всего Ирана вряд ли можно сказать, что «племена, говорившие на иранских языках, появились в Иране в начале I тысячелетия до н. э.» (стр. 590). Нельзя согласиться с безоговорочным отождествлением Дейока Геродота с Дайаунку ассирийских источников (стр. 592).

<sup>1</sup> См. Б. Б. П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, I, стр. 18, 20; II, стр. 10; ср. Г. А. М е л и к ш в и л и, К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту, ВДИ, 1953, № 1.

<sup>2</sup> См. Г. А. М е л и к ш в и л и, ук. соч.

\*

В главах, посвященных истории архаической и древнейшей Греции, особо следует отметить раздел, посвященный Микенской Греции. Он целиком основан на новых данных, полученных из недавно расшифрованных табличек линейного письма В. Автор этой главы, используя вышедшую за последнее трехлетие довольно значительную литературу по пиловским табличкам и богатый археологический материал, подходит к решению ряда важных проблем: о состоянии производительных сил в микенскую эпоху, об общественных отношениях в Пиловском государстве, о причинах падения микенской культуры и т. д. В решении этих важных вопросов соблюдается вполне оправданная осторожность. Наряду с письменными источниками автор использует обширный археологический материал, рассеянный по отдельным публикациям. В этой главе обобщены результаты многих частных работ различных ученых. Впервые в литературе «Всемирная история» дает историю Критского и Микенского государств как эпоху, без понимания которой невозможно осмыслить явления экономики и общественной жизни так наз. «гомеровского времени». Автор, включив в изложение темы «Греция XI—IX вв. до н. э.» специальный раздел «Археологические данные» (стр. 639), сумел убедительно показать, что в «гомеровское время» распространение железа сопровождалось значительным развитием производительных сил. Раскопки Коринфа, афинского Керамика и др. позволили по-новому подойти к разработанным только на материале эпоса вопросам экономики Греции XI—IX вв. до н. э. Раскопки 1949 г. в Афинах показывают, что, основываясь на материале гомеровских поэм, мы недооценивали развитие ремесла в X в. до н. э. Если ремесло этой поры и менее дифференцировано, чем в микенское время, то зато оно обслуживает значительно более широкие круги населения.

Большое внимание уделено вопросам экономики и в следующей XXIX главе, посвященной формированию полисов. Правильно, на наш взгляд, освещен вопрос о соотношении в архаической Греции труда рабов и мелких свободных производителей, о причинах, порождавших наемничество.

К сожалению, некоторые важные вопросы, имеющие существенное значение для разработки данной темы, не получили освещения в этой главе. Так, например, при изложении истории борьбы демоса с родовой аристократией и возникновения афинского государства не отмечено изменение характера основного общественного антагонизма. Совершенно не вскрыты конкретные причины падения тирании в Афинах.

Многие положения представляются сомнительными и нуждаются в дополнительной аргументации. Так, неясно, на каких источниках основывает автор утверждение, что в VII—VI вв. до н. э. в борьбу против господства родовой знати включились и метеки (стр. 672). Чрезвычайно любопытным, но также недостаточно аргументированным представляется утверждение, что «недовольство сложившимся классовым строем... выразилось в широком распространении культа Диониса... и в мистериях Деметры» (стр. 677).

Вообще, с нашей точки зрения, проводимый в первом томе принцип опускания ссылок на источники не подходит в тех случаях, когда авторы выдвигают новое или недостаточно аргументированное в науке положение.

Так, нам представляется спорной данная в XXVIII главе характеристика органов власти гомеровского общества. Автор утверждает, что в это время «фактически все дела решались знатью» (стр. 646). Весь материал второй песни «Илиады» говорит за то, что высшая власть в ополчении греков принадлежала не совету знати, игравшему лишь совещательную роль при верховном вожде, а на родному собранию<sup>1</sup>.

Картина суда, изображенная на щите Ахилла, также не дает, с нашей точки зрения, основания говорить о бесправии народа и о том, что «приговор выносятся старей-

<sup>1</sup> См. в особенности «Илиада», II, 96 и 99; о роли Совета басилеев ср. «Илиада», IX, 102, где Нестор призывает Агамемнона выслушать всех.

шпанами». Как убедительно показал в свое время С. Я. Лурье<sup>1</sup>, глагол *δικάζεσθαι* у Гомера имеет значение «судить» — в смысле «выражать свое мнение» (ср. русское выражение «судить и рядить»). Право вынесения приговора в спене, описанной у Гомера, принадлежит, очевидно, не геронтам, которые только *δικάζουσι*, а упомянутому Гомером выше судье (*ἴστωρ*). Для правильного понимания общественных отношений эпохи надо обратить внимание, что обвиняемый обращается не к судье и не к геронтам, а к народу (*δῆμον πεφάσθων*) (II., XVIII, 499—500).

Сложность вопроса об органах власти в гомеровскую эпоху связана с тем, что в эпосе имеются наслоения различных эпох. Мнение автора XXVIII главы о малом значении народного собрания может быть подтверждено только второй песней «Одиссеи», составленной, с нашей точки зрения, поколением позже. Поэтому точка зрения автора представляется нам недостаточно убедительной.

В главе XXIX вызывает безусловные возражения высказанная на стр. 673 мысль, что по Солоновскому закону всей полнотой политических прав пользовались граждане первых двух разрядов. Нигде — ни в «Афинской Политии», ни в других источниках — не говорится, чтобы какие-либо должности могли бы замещаться только первым и вторым имущественными разрядами: либо упоминаются три старшие разряда (Arist., Ath. Pol., 7, 2), либо только первый (там же, 8, 1). На стр. 672 неверно утверждение, что «законы Драконта отменяли родовую месть в случаях непредумышленного убийства». В надписи, содержащей часть законов Драконта (Syll., 111), говорится не об отмене, а только об ограничении родовой мести: родственники в случае общего согласия могут примириться с убийцей. Если же хоть один из родственников не согласен, примирение не состоится.

Вызывает возражение также манера автора той же главы цитировать греческих поэтов. Например, на стр. 681 приводятся стихи Тиртея в прозаическом переводе. Естественно предположить, что прозаический перевод избран для более точной передачи содержания. Однако это не так. В «Элегии» Тиртея часть слов оригинала выпущена, единственное число заменено множественным. В приведенной строке «Эмбатерия» Тиртея призыв к «сыновьям граждан Спарты, славной своими мужами» заменен призывом к «мужам прославленной Спарты», что, конечно, обедняет смысл стиха. К чему может привести подобное «свободное» цитирование, хорошо видно по приведенным на стр. 656 стихам Феогнида (строки 55—56). Они приводятся для иллюстрации процесса расслоения старой аристократии и говорят, по мнению автора, о «разбогатевших людях из народа». Однако материала для такого вывода слова подлинника не дают. Пропущенная при цитировании строка той же фазы придает особое значение приводимому отрывку: Феогнид говорит здесь иронически о людях, которые «стали благородными», в том смысле, что они теперь наравне с благородными имеют право разгуживать по городу и судиться в городском суде. О богатстве же этих людей здесь вообще нет речи.

К недочетам рассматриваемой части тома надо отнести также несогласованность некоторых положений авторами различных глав. Так например, в главе XXVIII указывается, что олимпийская религия была отражением мира аристократии, а далее семья олимпийских богов характеризуется как «сколок патриархальной семьи времен распада первобытно-общинного строя» (стр. 676). Также несогласованным остался вопрос о времени возникновения киклических поэм: на стр. 638 они, как и обычно, относятся к VIII в. до н. э., а на стр. 676 киклические поэмы без всяких оговорок относятся к VII—VI вв. до н. э.

В целом главы, посвященные Греции, написаны простым и ясным языком, но встречаются отдельные стилистические погрешности. Не совсем понятно, что хочет сказать автор выражением «мифологические сказки» (стр. 677). Слишком вычурным кажется нам выражение: «хищные носители принципа частной собственности» (стр. 681). Стилистическим несовершенством страдают определения демократии и олигархии на стр. 660.

Общим недостатком раздела о культуре Греции VIII—VI вв. до н. э. является

<sup>1</sup> С. Я. Лурье, История Греции, т. I, 1940, стр. 84, прим. 1.

бедность рисунков. Несмотря на то, что книга в целом прекрасно иллюстрирована, нет фотографий разбираемых в главе дорического и понийского фриз, статуи Делосской Артемиды, Ники Архерма и других. Зато дается фигура так называемого Аполлона Тенейского, разбора которой нет в тексте.

Все эти досадные недочеты несколько снижают в целом высокое научное качество рецензируемого тома.

Важной положительной особенностью I тома является интересная и глубокая разработка в нем древней истории Индии и Китая\*.

I том советской «Всемирной истории» встречен с большим интересом широкими кругами читателей как в нашей стране, так и за рубежом. Это и понятно: настоящее издание на большом историческом материале дает представление о действии законов общественного развития в древнейшую эпоху истории человечества и тем самым способствует более глубокому пониманию марксистско-ленинского учения об обществе.

С этой точки зрения особенно важно, чтобы в последующих томах «Всемирной истории» был сохранен и развит тот принцип изложения, который удачно проведен в большинстве частей I тома: обобщающие выводы авторов, опирающиеся на основные положения марксистской исторической науки, не должны навязываться читателю в виде абстрактных схем, но естественно вытекать из конкретно-исторического материала.

Большое значение «Всемирной истории» как первого обобщающего марксистско-ленинского труда по истории человеческого общества обязывает редакторов и авторов этого издания еще глубже продумывать содержание томов и способ изложения материала, еще полнее использовать достижения советской и мировой исторической науки.

*М. Н. Ботвинник, Г. А. Меликишвили,  
Р. И. Рубинштейн, А. А. Формозов*

*В. Д. БЛАВАТСКИЙ, История античной расписной керамики, Изд-во МГУ, 1953, 304 стр. с рисунками в тексте, девятью таблицами и картой, тираж 4000 экз., цена 24 руб. 50 коп.*

Проф. В. Д. Блаватский — один из лучших советских знатоков искусства и культуры античности — уже раньше опубликовал два синтетических труда об архитектуре и скульптуре древней Греции<sup>1</sup>. Его книга о греческой керамике тоже задумана в виде очерка, рассчитанного на широкие читательские круги.

Во введении автор информирует читателей, в чем состоит главная ценность греческой керамики. Он обращает внимание на ее небывало высокий художественный уровень и распространение, соответствовавшие более поздней графике. Далее он правильно подчеркивает исследовательскую ценность керамической декорации как исторического источника по античной мифологии, религиозным культам, празднествам, обрядам, театру, физической культуре, ремеслу, торговле, сельскому хозяйству и вообще материальной жизни. Тематика изображений на керамике заимствовалась также из греческой художественной литературы. Очевидно, что художественные изображения на греческих вазах являются ценным источником по истории греческой скульптуры и архитектуры, прежде всего для восстановления утерянной монументальной греческой живописи.

\*Редакция предполагает посвятить особую рецензию освещению древней истории Индии и Китая во «Всемирной истории».

<sup>1</sup> В. Д. Блаватский, Архитектура древнего мира, М., 1939; он же, Греческая скульптура, М.—Л., 1939.